

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

H. Byron Earhart. *Japanese religion: unity and diversity*. Belmont, California, 1969, 127 p.; его же, *The new religions of Japan. A Bibliography of Western language materials*. Tokyo, 1970, 227 p.; его же, *A religious study of the Mount Haguro, sect of Shugendo*, Tokyo, 1970, 230 p.

В процессе изучения религии японцев как в самой этой стране, так и за ее пределами накоплен громадный фактический материал. Сотни исследований посвящены этой тематике не только в японской, но и зарубежной литературе. Однако в большинстве этих работ, особенно в работах, принадлежащих западным авторам, отдельные элементы религии Японии: народные верования, синтоизм, буддизм, конфуцианство, даосизм — рассматриваются изолированно друг от друга. Этот недостаток, характерный для исследований по японской религии, отчасти можно объяснить исключительной сложностью и многообразием картины религиозной жизни Японии, которую с полным основанием называют «живым музеем религий».

Относительно недавно японские и зарубежные ученые, в том числе такие виднейшие авторитеты в области японского религиоведения, как японец Итиро Хори и американец японского происхождения Джозеф Китагава¹, предприняли попытки унифицировать подход к изучению японской религии, рассмотреть ее в органическом единстве взаимодействующих в ней элементов. Однако более четкое выражение новый подход получил в трудах молодого американского ученого Байрона Эрхарта, который подчеркивает необходимость исторического подхода к изучению религии Японии. Он считает, что тот или иной религиозный феномен можно объяснить только в тесной связи с общей обстановкой². Именно с этих позиций написаны все работы исследователя, в том числе и рецензируемые книги: «Японская религия: единство и разнообразие», «Новые религии Японии», «Изучение верования секты сюгэндо горы Хагуро». Первая из этих работ — «Японская религия»³ является введением в изучение предмета. Автор указывает, что она должна «дать унифицированное толкование японской религиозной истории». Эрхарт считает, что «единственный способ, позволяющий понять разнообразие и сложность японской религии, состоит в том, чтобы изучить ее многочисленные элементы в их исторической связи» (стр. 9).

В книге проводится мысль о том, что ни один из составных элементов религии Японии не сохранился в чистом виде. Эти элементы невозможно разделить на взаимоисключающие понятия местной и иностранной традиций, их можно рассматривать лишь во взаимодействии друг с другом. Так, синтоизм нельзя считать чисто местным явлением, поскольку в процессе своего становления он не только инкорпировал местные верования, но и заимствовала многое как от буддизма, так и от конфуцианства и даосизма. Синтоизм, поэтому, есть результат смешения местных и иностранных религиозных элементов в одну большую национальную традицию. С исторической точки зрения — это канал, по которому многие из ранних местных верований дошли до наших дней» (стр. 14). Автор подвергает критике тех западных ученых, которые противопоставляют синтоизм всем прочим религиозным традициям Японии, как чисто национальный элемент иностранному. Такой ошибочный подход частично объясняется тем, что многие исследователи все еще придерживаются концепции Холтома⁴ и других авторов, которые занимались изучением синтоизма накануне Второй мировой войны и во время войны. В этот период политическая задача разоблачения шовинизма правящих кругов Японии, использовавших в своих интересах синтоизм, затрудняла объективный подход к этому явлению.

С другой стороны, ни буддизм, ни конфуцианство, ни даосизм в Японии нельзя рассматривать как чисто иностранные традиции. Многие буддийские и даосские элементы настолько укоренились в народных верованиях, что деревенский житель, например, рассматривает каждый аспект того или иного культа как исключительно местное по своему происхождению явление.

¹ См. рецензии на работы Хори и Китагава: С. А. Арутюнов, *Joseph Kitagawa, Religion in Japanese history* (New York, 1966), «Сов. этнография», 1967, № 6; Г. Е. Комаровский, *Ichiro Hori, Folk religion in Japan* (Tokyo, 1968), «Сов. этнография», 1969, № 5.

² H. Byron Earhart, *Toward an understanding of Japanese folk religion, religions in Japan of present, part III*, Tokyo, 1964, p. 68.

³ Эрхарт использует термин «японская религия», чтобы показать единство религиозного процесса в Японии в историческом плане. В то же время он признает, что не существует единой японской религии, по крайней мере в том смысле, в котором говорят о религии христианской.

⁴ Наиболее характерной в этом смысле является работа: D. C. Holtom, *The national faith of Japan*, New York, 1938.

Историю религии в Японии Эрхарт подразделяет на три периода. Первый (доисторическая эпоха — VIII век н. э.) характеризуется формированием основных черт японской религии, второй (IX—XVI вв.) — развитием и усложнением религии (усиление взаимодействия различных традиций и сложение более четких организационных форм), третий (с XVII в. до наших дней) — идеологическим застоєм, связанным с общим застоєм позднефеодалного общества, и последующим обновлением религии. Подобная схема, по мнению Эрхарта, применима к истории любой религиозной традиции в любой стране.

В соответствии с указанной периодизацией книга «Японская религия» разделена на три части. Процесс взаимодействия, взаимопроникновения и взаимовлияния различных элементов в истории религии Японии показан весьма убедительно на протяжении всего повествования, что позволяет представить общую картину религиозной жизни в Японии на различных ее этапах. Эрхарт признает значение экономических и политических факторов для истории религии, но в книге «Японская религия» эти факторы освещены весьма слабо. В этом смысле рецензируемое исследование явно уступает уже упомянуемому труду Китагава.

Заслуживает внимания концепция автора о единстве и множественности, различии религий в Японии. Для религиозной жизни Японии характерно, что человек принадлежит исключительно к одной религиозной традиции, а «сознательно связан и бессознательно участвует в нескольких из них». Объясняется это тем, что указанные традиции «скорее взаимно дополняют, нежели взаимно исключают друг друга» (стр. 2—3). Вместе с тем, в Японии, как, впрочем, и в любой другой стране, находит свое выражение несколько уровней религиозности — от самых примитивных верований до сложной религиозной философии. Так, малообразованный человек для удовлетворения своих религиозных потребностей может прибегнуть и к синтоизму, и к буддизму, и к народным верованиям, не испытывая при этом чувства противоречия: ведь сплошь рядом синтоистские и буддийские храмы снабжают верующих одними и теми же амулетами, «покровительствуют» и «защищают» их в одних и тех же ситуациях. С другой стороны, образованные люди нуждаются в более сложных теоретических построениях буддизма, конфуцианства и даосизма. Таким образом, «на данном уровне единства религиозного подхода может распространиться сразу на несколько отдельных традиций» (стр. 3).

Автор считает, что говоря о начальном этапе формирования религиозных представлений японского народа, нельзя не учитывать географического положения страны, которое делало Японию объектом культурного влияния со стороны азиатского континента, в частности Китая. Однако в древнейший период это влияние носило периодический характер: в те времена сношения между Японией и континентом не могли быть регулярными. Поэтому любой иностранный элемент, проникавший в Японию в течение длительного времени, преобразовывался в изолированной островной обстановке на японский лад (стр. 10). Это замечание важно для понимания как процесса формирования религии, так и культуры японского народа в целом.

В качестве одного из доказательств единства религии Японии Эрхарт приводит наличие «постоянных тем» или общих черт, характерных для всех этапов истории религии в этой стране. Такими чертами он считает тесную связь между человеком, богом и природой (имеются в виду как «камни» синтоизма, так и будды и бодисатвы буддизма.— Г. К.); решающую роль семейной системы, включая культ предков; важность обрядности, в частности ритуала очищения, а также амулетов; наличие индивидуальных культов, местных праздников, которые проводятся без посредства священнослужителя; глубокое проникновение религии в повседневную жизнь и быт (посещение человеком храмов в определенные моменты его жизни, ориентация отдельных храмов на людей определенной профессии: рыбаков, крестьян и т. п.); связь между религией и японской нацией (имеется в виду прежде всего роль религиозных институтов в поддержке государственной власти и их участие в «мирских» делах) (стр. 7—8).

Некоторые из этих положений Б. Эрхарта не могут не вызвать возражения. Так, например, тесная связь религиозных институтов и государственной власти значительно ярче проявлялась в европейских средневековых государствах. В целом же эта часть труда Эрхарта много выиграла бы, если бы характерным для всех этапов истории религии Японии чертам было дано объяснение с точки зрения материальных факторов жизни японского народа и его социальной истории. Этого, к сожалению, в работе нет.

Если книга «Японская религия» содержит изложение основных концепций Эрхарта, то в двух других рецензируемых работах исследователь старается применить эти концепции к отдельным конкретным случаям.

«Изучение вероучения секты сюэндо горы Хагуро» — одно из немногих исследований о религиозном движении, в основе которого лежит практика горного аскетизма с целью овладения магико-религиозной властью. Эрхарт не случайно избрал эту тему для своей работы. Секта сюэндо оформилась в результате сложнейшего переплетения и взаимодействия самых разнообразных элементов, включая местный «культ гор» (сангаку синко), буддизм, даосизм и, в какой-то мере, даже конфуцианство. На протяжении ряда столетий, особенно в период позднего средневековья и нового времени вплоть до буржуазной революции 1868 г., сюэндо играла важную роль в общественной жизни страны, в особенности в японской деревне. Высказанные выше соображения показывают, что сюэндо является отличным объектом для изучения характера религии Японии в целом.

Книга Эрхарта выгодно отличается тем, что она базируется не только на письменных материалах, но и на личных наблюдениях: в течение трех лет исследователь на месте изучал религиозную практику одной из групп секты сюэндо с центром на горе Хагуро (префектура Ямагата). Автор дает общий очерк истории сюэндо в целом и группы Хагуро в частности. Особое внимание он уделяет организационной структуре, доктрине и религиозной практике секты. Детально изучив обрядовые, атрибуты, используемые священнослужителями секты, Эрхарт прослеживает связь движения сюэндо с другими религиозными традициями. Вместе с тем, анализ фактического материала позволяет сделать вывод, что сюэндо представляет собой самостоятельное религиозное движение, «уникальный продукт истории религии в Японии». Попытки некоторых западных ученых рассматривать сюэндо как ответвление эзотерического буддизма не обоснованы⁵.

В целом книга «Изучение вероучения секты сюэндо горы Хагуро» служит яркой иллюстрацией методологии Эрхарта: ученый демонстрирует единство данного религиозного феномена путем анализа его исторического развития и религиозной практики. Книга снабжена богатейшим справочным материалом (гlossарий, библиографии на японском и западноевропейских языках, индексы), который занимает свыше четверти ее объема.

Третья книга Б. Эрхарта, «Новые религии Японии», представляет собою библиографию материалов по проблемам религиозных движений, занимающих господствующее место в религиозной жизни Японии после второй мировой войны. Эрхарт впервые собрал и систематизировал материалы о «новых религиях» преимущественно на английском, а также немецком, французском и некоторых других западноевропейских языках (имеется также несколько названий на русском языке). Охвачен широкий круг изданий: книги, многочисленные журнальные статьи, публикации самих религиозных организаций, в том числе их периодические издания. Всего перечислено 810 названий. В разделе «Общая библиография» приведенные издания снабжены краткими аннотациями. В книгу включены списки рекомендуемой литературы по религии Японии на западноевропейских языках, а также по «новым религиям» Японии на японском языке. Все это делает ее ценнейшим пособием для изучения современной религиозной жизни Японии.

Во вводной статье дан анализ «новых религий» и показано их место в истории религии Японии⁶.

Укоренившемуся в литературе термину «новые религии» автор противопоставляет термин «новые социально-религиозные движения», который, на наш взгляд, правильное отражает сущность этого социального явления. По мнению автора, его следует интерпретировать как обновление старых религиозных традиций в видоизмененной форме. По его выражению, «у новых религий современный рисунок, но этот рисунок отпечатан на ткани японской религии» (стр. 1). В целом, в отличие от ряда других исследователей вопроса, Эрхарт акцентирует внимание на том, что связывает новые социально-религиозные движения со старыми традициями.

Среди ученых до сих пор нет единства по вопросу о том, какие из многочисленных религиозных групп современной Японии можно считать участниками новых социально-религиозных движений. На наш взгляд, Эрхарт предлагает правильные критерии, считая необходимым понимать под этим термином движения, которые а) возникли в канун революции 1868 г. и существуют вплоть до наших дней, б) представляли собой силы обновления в религиозной жизни Японии и в) привели к созданию постоянных социально-религиозных организаций (стр. 6). Эти критерии позволили Эрхарту расширить понятие «новые социально-религиозные движения», включив в него широкий круг организаций, а также так называемые «морально-этические движения», которые официальной японской статистикой даже не признаются религиозными, и исключить из него многочисленные группки, отколовшиеся от старых сект после Второй мировой войны.

Но если критерии Эрхарта в определении новых социально-религиозных движений не вызывают возражений, то его классификация этих движений явно неполна. Эрхарт кладет в основу этой классификации принцип происхождения и подразделяет новые социально-религиозные движения на синтоистские, буддийские, христианские (последние представлены одной малочисленной группкой), прочие и так называемые утопические. При этом в группу «прочие» (термин сам по себе ничего не объясняющий) включены как некоторые движения с синтоистской окраской, так и некоторые морально-этические движения; в то же время другие морально-этические движения попали в раздел «утопических».

Нельзя не согласиться с автором в том, что проблема классификации новых социально-религиозных движений требует дальнейшей разработки. Однако, на наш взгляд, более приемлемой представляется классификация, предложенная советскими исследова-

⁵ См. G. Renondeau, Le Shugendo, «Cahiers de la Société Asiatique», XVIII, Paris, 1965.

⁶ В этом плане большой интерес представляет также статья: B. Earhart, The interpretation of the «new religions» of Japan as historical phenomena, «Journal of the American Academy of religion», 1969, № 3, pp. 237—248.

телями⁷: новые социально-религиозные движения подразделяются на неосинтоистские (наиболее многочисленная категория, куда входит несколько подразделений), метабуддийские движения и организации межрелигиозного согласия, куда включаются все мистико-религиозно-этические движения и для которых характерен наибольший эклектизм в доктринах, обрядности и т. п.

В целом, не будет преувеличением сказать, что исследования Эрхарта вносят важный вклад в изучение религии Японии. Они открывают возможности для действия не унифицированного подхода к этому явлению, позволяя создать более целостное представление о характере религиозной жизни японского народа в прошлом и настоящем.

Г. Е. Комаровский

⁷ См. С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов, Старые и новые боги Японии, М., 1964, стр. 111—114.

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Erna Siebert, Werner Forman. Indianerkunst der Amerikanischen Nordwestküste. Praha, 1967.

Ленинградский Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого обладает самым крупным в мире собранием предметов быта и культуры индейцев северо-запада Северной Америки. Это собрание выделяется не только своими размерами, но и чрезвычайным разнообразием материалов. Основную его часть составляют вещи, собранные в конце XVIII и в первой половине XIX в., т. е. в то время, когда индейская культура сохраняла еще в значительной мере свои древние самобытные черты.

Публикации сокровищ МАЭ до самого последнего времени были явлением не частым, а их техническое выполнение оставляло желать лучшего. Популярных изданий северо-американских коллекций, предназначенных для зарубежного читателя, вообще не существовало. Альбом «Индийское искусство северо-западного побережья Америки», составленный в 1967 году Э. Зиберт и В. Форманом, является первой такой работой.

Выбор авторами сравнительно узкой темы не является случайностью. Искусство северо-западных индейцев, достигшее высокой ступени художественного развития, производит сильное впечатление удивительным своеобразием стиля, в котором богатая фантазия художника сочетается с прекрасным знанием натуры, а стилизация и даже условность изображения — с предельной его выразительностью. В альбом вошли лишь изделия тлинкитов. Это вполне объяснимо: тлинкитские вещи составляют основу коллекции МАЭ по северо-западным индейцам и имеют наибольшую научную ценность.

Альбом состоит из введения и девяти разделов, содержащих 107 цветных и 35 черно-белых прекрасно выполненных иллюстраций. Во введении изложены общие сведения об истории изучения северо-западных индейцев, об их хозяйственной деятельности, общественных отношениях, верованиях и обычаях, а также об основных особенностях изобразительного искусства. В девяти разделах альбома публикуются: 1) маски (28 илл.); 2) ритуальные головные уборы (7 илл.); 3) военное облачение (17 илл.); 4) погремушки (8 илл.); 5) сосуды (11 илл.); 6) резные деревянные изделия (10 илл.); 7) шаманские атрибуты (5 илл.); 8) домашняя утварь (2 илл.); 9) одежда (9 илл.). В каждом разделе кратко сообщается о назначении, способах изготовления и некоторых особенностях публикуемых предметов. Но, к сожалению, аннотации к отдельным предметам несколько лаконичны.

Рецензируемая работа дает возможность зарубежному читателю познакомиться с великолепными произведениями индейского искусства, хранящимися в Ленинграде. Она, несомненно, привлечет внимание любителей и, конечно, очень интересна для художников, скульпторов и для тех, кто изучает историю изобразительных искусств. Альбом содержит, кроме того, весьма ценный материал для широкого круга специалистов, исследующих первобытные верования и обряды, а также индейскую мифологию.

Р. С. Разумовская